

БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени 40-летия ОКТЯБРЯ

Кафедры русской и зарубежной литературы

Б 67-13
69

НАРОД И РЕВОЛЮЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ И УСТНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА — 1967

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ОТНОШЕНИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО К СОЦИАЛИЗМУ

Политический консерватизм и антисоциализм великого писателя Ф. М. Достоевского — козырная карта буржуазных идеологов. Опираясь на это, они заявляют, что социализм чужд традициям русского народа.

Действительно, бывший петрашевец Достоевский в зрелый период своего творчества враждебно высказывается о социализме. Бесчисленное число раз цитировались насмешки над «хрустальным дворцом» социалистической утопии в «Записках из подполья», отталкивающая картина революционной организации в «Бесах»... Достоевский в 60-е годы приходит к убеждению, что социально-экономические преобразования ничего не изменят в жизни людей, что главной задачей человечества является нравственное перерождение. Орудие преобразования мира — братская любовь людей друг к другу, сохранившаяся в недрах русского народа: поэтому России предстоит сказать «новое слово», спасти весь мир. Социалисты же, призывая к революции, проповедуют ненависть и лишь умножают царящее в мире зло. Социализм есть порождение римско-католического духа: церковь святого Петра предалась дьяволу за мирскую власть, за царство на земле. Вслед за католической церковью социалисты заменили идеальные, нравственные искания человечества одним лишь «хлебным вопросом».

Таковы общеизвестные взгляды Достоевского на социализм. Казалось бы, эти факты нет смысла пересматривать заново. Однако всякое общее мнение с годами превращается в препятствие для живого исследования. «Ибо всякую истину, если ее сделать «чрезмерной»..., если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до аб-

сурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»¹.

I.

Одним из самых «антисоциалистических» произведений Достоевского считаются «Записки из подполья». В первой части этой повести содержится яростное ниспровержение социалистической утопии Н. Г. Чернышевского, отразившейся в снах Веры Павловны (роман «Что делать?»). Символом этой утопии в исповеди подпольного человека становится «хрустальный дворец», фаланстер, общее жилище свободных людей коммунистического общества. Подпольный человек осыпает этот «хрустальный дворец» градом насмешек, которые нередко цитируются в доказательство антисоциалистической направленности «Записок из подполья». Рассказчик отвергает социалистический идеал героев Чернышевского как принудительную остановку в бесконечном развитии человеческой свободы. Зачастую критика характеризует рассказчика «Записок» как нигилиста.

Но здесь-то и скрывается недоразумение. Первая часть «Записок из подполья», содержащая философские декларации рассказчика, чрезвычайно сложна и запутанна; к тому же в самом важном месте ее искромсала рука цензора. И однако один важный оттенок подпольной исповеди, вполне поддающийся прочтению, до сих пор ускользает от внимания большинства исследователей². Обратимся к тексту.

Сравнивая «хрустальный дворец» с курятником, куда можно спрятаться от дождя, подпольный человек говорит: «Ну, перемените, прельстите меня другим, дайте мне другой идеал. А покамест я уж не приму курятника за дворец. Пусть даже так будет, что хрустальное здание есть пуф, что по законам природы его не полагается и что я выдумал его только вследствие моей собственной глупости... Но какое мне дело, что его не полагается. Не все ли равно, если он существует в моих желаниях...?»³

Далее возникает новое сравнение: идеал социалистов, по мнению подпольного человека, это всего лишь сытое и обеспеченное существование, «капитальный дом». «Я не приму за вершину желаний моих — капитальный дом, с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет и на всякий случай с зубным врачом Вагенгеймом на вывеске».

«А покамест я еще живу и желаю, — да отсохни у меня рука, коль я хоть один кирпичик на такой капитальный дом принесу! Не смотрите на то, что я давеча сам хрустальное здание отверг, единственно по той причине, что

¹ В. И. Ленин. Детская болезнь левизны в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 46.

² Исключение составляет лишь В. Шкловский («За и против». М., 1957).

³ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 4. М., Гослитиздат, 1956, стр. 162—163.

его нельзя будет языком подразнить. Я это говорил вовсе не потому, что уж так люблю мой язык выставлять. Я, может быть, на то только и сердился, что такого здания, которому бы можно было и не выставлять языка, из всех ваших зданий до сих пор не находится»¹.

В этом разгадка всего каскада ребусов и аллегорий, который высыпает на читателя подпольный человек. «...Из всех ваших зданий до сих пор не находится». Все те «хрустальные здания», которые предлагают социалисты, не соответствуют идеалу этого яростного отрицателя, но отрицает он их во имя своего смутного, неясного идеала, во имя **настоящего** «хрустального дворца», который существует в его желаниях, более того — составляет «венеч желаний» подпольного человека.

Злобный антагонист Чернышевского, оказывается, сам стремится к «хрустальному дворцу» общечеловеческого счастья, но пути к нему не знает. Верное понимание «подполья» обнаруживает Б. Бурсов в своей статье «Достоевский и модернизм»: «Это было... такое подполье, в котором человек хотя и ожесточался против людей и самого себя, даже клеветал на других и на себя, тем не менее стоял лицом к лицу с целым миром, со всей человеческой историей, требовал восстановления правды на земле, не зная новых путей к правде, а все старые отвергая»². Подпольный человек отвергает и домарксовский утопический социализм, указывает на его ограниченность, но сам стремится к другому, еще неведомому идеалу счастливого человечества. Какому же?

Он мечтает о таком «хрустальном дворце», в котором сохранялась бы неприкосновенной его свобода воли. Совместимо ли гармоничное общественное устройство с неограниченной свободой личности? Вот одна из самых жгучих проблем Достоевского. Но, несомненно, гармоническое устройство человечества волнует писателя на протяжении всего его творческого пути. Достоевский — убежденный противник феодально-крепостнического строя. О его ненависти к капитализму свидетельствуют многие произведения периода творческой зрелости. Деньги в его романах всегда служат воплощением зла. Но все это лишь негативно характеризует его идеал; положительное содержание идеала пока неясно.

II.

Роман «Бесы» пользуется особой любовью реакционных критиков Запада. Они утверждают, что «Бесы» содержат портретную галерею русских революционеров, таких «потенциальных большевиков», а «шигалевщина» — это пророчество о будущем коммунистическом обществе.

¹ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 4, М., 1956, стр. 163.

² «Звезда», 1965, № 8, стр. 185.

Действительно, в «Бесах» антисоциализм Достоевского нашел свое высшее выражение. Революционеры здесь сравниваются с бесами, а Россия с тем бесноватым, которого исцелил Христос, изгнав из него бесов (Евангелие от Луки, глава VIII, 32—37). Главные «бесы» романа — это Ставрогин, Петр Верховенский и Кириллов. Особняком стоит образ Шатова, революционера, обратившегося на «путь истины». Рассмотрим эти фигуры в интересующем нас аспекте.

Николай Ставрогин предстает перед читателем как загадочная демоническая личность. Ключ к этому образу дан в цитате из апокалипсиса, которую читает книгоноша Степану Трофимовичу: «... знаю твои дела, ни холоден, ни горяч, о если бы ты был холоден или горяч. Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст моих». Ставрогин — не холоден и не горяч, он равнодушен. Он не верует в бога, но в нем нет и пламенного отрицания Кириллова. Ставрогин то пытается построить свою индивидуальную безбожную этику, то срывается в новые преступления. Неспособность найти бога, по мысли Достоевского, делает Ставрогина бессильным. Из неверия рождается его смертельная скука, отвращение к жизни.

Отсутствие твердого этического критерия, эстетическая оценка самого черного зла и подвигов добра — это дальнейшее развитие того «морального эстетизма», который составляет доминанту образа парадоксалиста в «Записках из подполья». Ставрогин — виртуоз предательства, он многократно лжет на страницах романа. Он сам внушает капитану Лебядкину мысль о доносе на революционную организацию, а Петру Верховенскому говорит: «подговорите четырех членов кружка уколошить пятого... и тотчас же вы их всех пролитую кровью, как одним узлом, свяжете». Для Ставрогина вся революционная организация — ничтожное собрание глупцов, он не принимает всерьез идеи своего двойника Петра Верховенского. Бессильный сделать выбор, принять или отвергнуть, восстать или покаяться, он идет к гибели с трагической неотвратимостью. Достоевский не рассматривает Ставрогина как революционера, и все сравнения этого персонажа со Спешневым или Бакуниным в наше время выглядят чрезвычайно натянутыми.

Кириллов и Шатов — это своего рода «эманации» Ставрогина; это он подсказал им в прошлом те идеи, которые стали для них главными, всепоглощающими. Эти два образа стоят как бы на противоположных полюсах романа. Кириллов — фанатик, находящийся на грани безумия; в его лице атеизм (по мнению Достоевского, сущность социализма) доводится до абсурда. Таков один из самых излюбленных методов философствования Достоевского и в то же время его любимый композиционный прием. Кириллов, логически развивая атеизм, приходит к выводу, что если бога нет, то каждый человек — бог, каждый абсолютно свободен и должен на деле осуществить свободу. Для героев

Достоевского характерно прямое соединение мысли и дела; раньше атеисты отрицали бога и продолжали влачить скучное существование рабов «предустановленной гармонии»; атеизм Кириллова отличается действенностью. Он обязан на деле доказать свободу человека, обязан «заявить своеволие». Высшим даром господа верующие считают жизнь; итак, Кириллов решает узурпировать власть бога и уничтожить свою жизнь. Этого требует его понимание морального долга перед человечеством. Принципиальное самоубийство Кириллова диктуется величайшим человеколюбием, что многократно подчеркивается в романе. Итак, доведенные до крайности идеи атеистического гуманизма (т. е. социализма в понимании Достоевского) самоубийственны. Однако чистейший представитель этого гуманизма вырастает в самоотверженного мученика идеи, в человека высочайших моральных качеств. В романе «Бесы» два самоубийства. В те минуты, когда мы читаем, как застрелился Кириллов, мы испытываем ужас; но жирно намыленная петля и запасной гвоздь Ставрогина вызывают отвращение. Самоубийство Кириллова трагично, самоубийство Ставрогина — омерзительно и пошло.

Антипод Кириллова — Иван Шатов — символизирует возможный выход из «безумия» революционной борьбы. Выражая идею «народа-богоносца», он отражает взгляды самого Достоевского. Шатов от социализма идет к религии, он из правдоискателя становится богоискателем. Но он еще не верует: «Я... буду веровать в бога», — говорит Шатов. Эту знаменитую фразу многие исследователи склонны рассматривать как тайное признание самого романиста. Во всяком случае, Шатов представляет собой этап в развитии универсальной композиционной схемы Достоевского: индивидуализм — бунт — перерождение. Зародыш этой схемы — «подполье», далее следует Раскольников, за ним — Парфен Рогожин, наконец — Шатов. Достоевский как бы говорит этими образами, что истину (т. е. бога) нужно «выстрадать» в глубочайших безднах отчаяния и бунта, что подлинная вера рождается в трагической борьбе: здесь скрыта тайная ассоциация с судьбой самого писателя.

Из рассмотренного явствует, что великий писатель приравнивал революционный социализм в его чистом виде к индивидуальному трагическому бунту своих интеллектуальных преступников. Неверие Ставрогина в идеи революции означает и его неверие в бога. Зато настоящий, глубоко убежденный социалист близок к спасению: для него существует возможность парадоксального «скачка», религиозного возрождения. Русские люди обращаются к социализму из человеколюбия, или, по насмешливому выражению Петра Верховенского, из «сентиментальности».

Ну, а сам-то Петр Верховенский из таких побуждений стал социалистом? Тут прежде всего нужно отметить утверждение Достоевского: Петр Верховенский — не социалист. Он говорит Ставрогину: «Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха!» Через

несколько минут это признание повторяется буквально. Удивленный Ставрогин переспрашивает: «... Вы, стало быть, и впрямь не социалист, а какой-нибудь политический... честолюбец?» И его собеседник в третий раз подтверждает: «Мошенник, мошенник»¹.

Перед нами образец тоекратного варьирующего повтора — любимого усилительного приема Достоевского. Писатель настойчиво подчеркивает, что политический авантюризм Верховенского противоречит идеям социализма. Это подчеркивается еще и яростным отвращением Кириллова к Петру Верховенскому. Кириллов в глаза называет его «гадиной», а Шатов — «шпионом и подлецом». Виргинский говорит об убийстве Шатова — «не то». Шигалев вообще отказывается в этом убийстве участвовать.

В черновых набросках к роману «Бесы» мы находим такие строки:

«Виргинский серьезный социалист.

Он говорит: я бы умер за это.

Он отстраняется от Нечаева и инженера: это не то»².

Как мы видим, к «серьезному социализму» Достоевский относился совершенно иначе, нежели к политическому мошенничеству своего Нечаева. В черновых набросках Петр Верховенский всюду назван именем своего прототипа, и о нем сказано следующее:

«Нечаев не социалист, но бунтовщик, в идеале его бунт и разрушение, а там **«что бы ни было...»**»³.

По нашему мнению, Достоевский в «Бесах» атакует прежде всего мелкобуржуазное анархическое бунтарство.

В нашумевшем деле Нечаева, которое подсказало сюжет «Бесов», проявились мелкобуржуазные тенденции русского освободительного движения. Тактика заговоров, обмана, взаимного шпионажа и террора внутри революционной организации — порождение бакунинского анархизма (Сергей Нечаев был учеником Бакунина). Подобную тактику и в частности деятельность Нечаева сурово осудили Маркс и Энгельс. Авантюризм, диктаторские замашки, интриганство — характерные черты деятельности Ф. Лассалья и М. Бакунина. В России эти тенденции нашли завершение в эсеровском терроризме. Партия эсеров, объединившая охвосты выродившегося народничества, считала себя хранительницей заветов Чернышевского и Желябова, но именно в ее рядах выросли такие черные фигуры, как виртуоз предательства Евно Азеф, самовлюбленный убийца Борис Савинков, провокатор войны Блюмкин (убийца германского посла Мирбаха) и др. Фигуры Азефа и Савинкова словно сошли со страниц романа «Бесы». Можно сказать, что Достоевский предугадал появление

¹ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 7, М., 1957, стр. 439—440.

² Записные тетради Ф. М. Достоевского. М.—Л., Academia, 1935, стр. 251.

³ Там же, стр. 276.

подобных типов, хотя сам Нечаев отнюдь не был «мошенником» или предателем (Достоевский особо оговорил, что Петр Верховенский не есть портрет Нечаева). Великий писатель изумительно отчетливо представил себе судьбы буржуазного индивидуализма в революции.

Поэтому он сумел в «Бесах» предсказать некоторые искажения социализма. Одним из таких предсказаний явилась утопия Шигалева. Этот мещанский Фурье заявляет: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом». Для девяти десятых человечества он планирует абсолютное равенство, но это равенство рабов, сытых и лишенных всяких живых побуждений, страстей, воли. Над этим «стадом» царит диктатура одной десятой — избранного меньшинства, элиты. Эта бредовая утопия — злая карикатура на социализм. Однако исторически она действительно связана с мелкобуржуазными искажениями социализма, с той мещанской тенденцией в социализме, которая нашла свое отражение в известной народнической теории «героев и толпы», наконец, с так называемым «казарменным коммунизмом», против которого боролись Маркс и Энгельс¹.

Окончательное разложение мелкобуржуазного, анархического течения в социализме привело в эпоху первой мировой войны к чудовищной метаморфозе. Достаточно вспомнить, что бывший социалист, редактор газеты «Аванти» явился основателем итальянского фашизма: то был Бенито Муссолини. В эпоху империализма «взбесившийся мелкий буржуа» закономерно превратился из анархиста в фашиста. Прямой иллюстрацией этого превращения служит поразительно яркий факт, сообщенный Андре Стилем и уже неоднократно цитированный в советских исследованиях. Незадолго до алжирского путча в городе Алжире была поставлена пьеса Альбера Камю «Бесы», по роману Достоевского. Когда на сцене актер, игравший Шигалева, стал излагать его утопию, заполнявшие зрительный зал будущие оасовцы устроили ему овацию. Они восприняли шигалевскую теорию «стада» и элиты как **свою**: шигалевщина совпала с мечтами французских фашистов².

Достоевский отнюдь не приравнивал шигалевщину ко всему социализму. В тексте «Бесов» прямо подчеркивается тупая самоуверенность, с какой Шигалев отрешивается от идей великих социалистов-утопистов. Этим последним Достоевский всегда уважал. Видение «золотого века», гармонического общества свободных и чистых людей, в какой-то мере отражает идеал Достоевского («Исповедь Ставрогина», «Сон смешного человека», «Подросток»). Весьма знаменателен и некролог «Несколько

¹ О марксистской традиции борьбы против казарменного коммунизма говорит Ю. Карякин в статье «Антикоммунизм, Достоевский и достоевщина» («Проблемы мира и социализма», 1963, № 5).

² См. книгу М. Гуса. Идеи и образы Достоевского. М., 1962, стр. 364.

слов о Жорж Занде». В нем Достоевский прямо высказывает свое отношение к утопическому социализму. Когда стало ясно, что лозунги Великой французской революции «оказались лишь громкими фразами», что «лишь обновился деспотизм (...) что новые победители мира (буржуа) оказались еще, может быть, хуже прежних деспотов (дворян)», тогда — «вдруг возникло действительно новое слово». Было провозглашено, что «дело остановилось напрасно и неправильно (...) что дело надо продолжать, что обновление человечества должно быть радикальное, социальное». Одной из деятельниц нового движения была и Жорж Санд: «... это одна из самых ясновидящих предчувственниц... более счастливого будущего, ожидающего человечество...» Далее Достоевский говорит: «Она основывала свой социализм, свои убеждения, надежды и идеалы на нравственном чувстве человека, на духовной жажде человечества, на стремлении его к совершенству и чистоте, а не на муравьиной необходимости»¹.

В этом контексте слово «социализм» имеет положительное звучание. Достоевский говорит об этическом социализме Жорж Санд с горячностью убежденного сторонника этого учения.

Вернемся к роману «Бесы». Теперь для нас представляется бесспорным, что автор «Бесов», атакуя анархическое бунтарство («нечаевщину»), глумясь над казарменным коммунизмом («шигалеvщина»), с глубоким состраданием изображал адептов атеистического гуманизма, мучеников великой идеи (Кириллов). «Серьезный социализм», по мысли Достоевского, отличается человеколюбием; однако он искажен и опошлен новым, революционным поколением, «бесами». Антисоциализм романа представляется клубком противоречий, но сквозь эту путаницу сквозит своего рода «любовь-ненависть» автора к миру его бывших единомышленников.

III.

В том же 1876 году, когда Достоевский опубликовал статью о Жорж Санд, в «Дневнике писателя» появились следующие строки о социалистах: «...Все то, чего они желают в Европе, — все это давно уже есть в России, по крайней мере, в зародыше и в возможности, и даже составляет сущность ее, только не в революционном виде, а в том, в каком и должны эти идеи всемирного человеческого обновления явиться: в виде божеской правды, в виде Христовой истины, которая когда-нибудь да осуществится же на земле и которая всецело сохраняется в православии»². Это один из характерных для Достоевского парадоксов мысли: социалистический идеал заключен как возможность в

¹ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 11, М.—Л., 1929, стр. 307—316.

² Там же, стр. 319.

русском православии. Таков «своеобразный христианский социализм»¹ Достоевского; зерном его является идея прямого перехода от русской сельской общины к коммуне, без капиталистической стадии. Эта идея — программная идея народников, но у Достоевского подразумевается, что революция для такого перехода не нужна, что обновление человечества совершится мирным, религиозно-этическим путем. Нравственные принципы при этом рассматриваются как основополагающие, а формы собственности — как нечто вторичное: сначала нравственное перерождение, а затем — материальная сторона вопроса. Однако отрицательное отношение Достоевского к собственности не подлежит сомнению: оно ярко сказалось в «Зимних заметках о летних впечатлениях», в его видениях «золотого века». В вопросе о частной собственности **Достоевский стоит на позициях социализма**: но это даже не утопический, а евангельский социализм. Ведь и в первых христианских общинах не было частной собственности, ведь и Христос ставил разделение богатств непременным условием спасения души. Опираясь на евангельский социализм, идеализируя нравственные отношения внутри русской общины, Достоевский строит свою этическую систему — этику любви и самопожертвования. Он отождествляет ее с «русским Христом», т. е. с народным религиозно-этическим мировоззрением.

Этот «православный социализм» Достоевского имеет антибуржуазную направленность. В 1877 г., опровергая буржуазное понимание свободы, он писал: «А между тем, это в сущности не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег. Напротив, самая высшая свобода — не копить и не обеспечивать себя деньгами, а «разделить всем, что имеешь, и пойти всем служить»². Высшая свобода личности состоит в ее самоотречении в пользу всех — так решает Достоевский проблему свободы. И если люди, следуя примеру подвижников, сумеют развиться до такого самоотречения, то явится новое общество без богатых и бедных, гармоническое и счастливое, в котором свобода людей не будет ничем ограничена или ущемлена — таково решение одной из проблем, волновавших подпольного человека. Не по «муравьиной необходимости», а по собственной воле людей созиждется настоящий «хрустальный дворец». Это, подчеркивает Достоевский, «русское решение вопроса».

Нет, Достоевский не распространяет карикатурное изображение «бесов» на весь социализм. Он готов признать, что «цели всех современных предводителей европейской прогрессивной мысли — человеколюбивы и величественны»³. Но, отвергнув Христа, социалисты смогут лишь разрушить старое общество, а

¹ Выражение Ю. Карякина в цитированной статье, стр. 35.

² Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 11, ч. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1895, стр. 70—71.

³ Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 11, стр. 137.

своего, нового — не сумеют построить. Несмотря на гибель Парижской коммуны 1871 г., Достоевский твердо уверен в грядущей победе революции в Западной Европе. В 1874 г. он пишет в рукописи «Подростка»:

«Фантастическая поэма-роман: будущее общество, коммуна, восстание в Париже, победа, 200 миллионов голов, страшные язвы, разврат, истребление искусств, библиотек, замученный ребенок. Споры, беззаконие. Смерть»¹.
«Христианство и социализм. Гнев и бой (вперед!). Выгода вместо нравственного начала. Примешали к своей ненависти человеколюбие. Пожар Тюильри. (...) Победят несомненно. В конце победа Христа»².

Так писатель представлял революцию в Западной Европе: социалисты «победят несомненно», но за этим последуют страшные разрушения, кровавая анархия и гибель культуры. Достоевский поверил клеветническим утверждениям, что Париж подожгли коммунары. Впрочем, весьма пессимистические прогнозы о судьбах культуры при социализме делали и такие люди, как Генрих Гейне и Анатоль Франс. Страх за культуру в первые годы после Октября разделял даже такой большой идейный противник Достоевского, как А. М. Горький. По мысли Достоевского, спасением от революционного хаоса явится «победа Христа», т. е. обращение масс к религиозной нравственности. Весьма любопытно, что Достоевский вновь упоминает здесь о «человеколюбии», которое смешано у социалистов с «ненавистью». Но самое интересное то, что победа революции рассматривается как необходимый последний этап развития перед конечной победой Христа. Итак, от социализма, основанного на «выгоде», личном материальном интересе, к революции и хаосу; от революции и хаоса — к Христу. Эта схема всемирной истории в точности воспроизводит универсальную композиционную схему романов Достоевского, о которой мы говорили выше. Мировоззрение и творчество великого художника неразделимы.

Разрушительной европейской революции Достоевский противопоставил лучезарную и наивную картину мирного, религиозного воплощения социалистического идеала в России. Русский Христос спасает залитую кровью Европу.

В своей сумбурной статье «Пророк русской революции» Д. С. Мережковский сделал одно точное наблюдение: идея народа-богоносца, так называемый русский мессианизм Достоевского, резко расходится не только с православием, но и с учением христианской церкви вообще. Русский бог у Достоевского есть христианская личность русского народа³. Иными словами, христианство великого писателя представляло собой не что иное,

¹ «Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. М., «Наука», 1965, стр. 59.

² Там же, стр. 210.

³ Д. С. Мережковский. Пророк русской революции. СПб., 1-е изд. М. В. Пирожкова, 1906.

как еретическое обожествление русского народа. Достоевский — великий еретик.

В основе его мессианизма лежало бессознательное чувство исторического подъема России, сближавшее его с народниками. И он, и народники кое в чем оказались правы. Россия не миновала капитализма, но царство русской буржуазии продолжалось только 56 лет, и первая в мире победоносная социалистическая революция совершилась в России, которая благодаря этому стала авангардом человечества. Пророчество Достоевского исполнилось в обратном смысле: не социализм, а фашизм залил Европу реками крови, и в 1945 г. не «русский Христос», а русская революция спасла Европу и принесла ей мир. В пророчествах Достоевского гениальные догадки смешаны с ослеплением. Да, русский народ явился спасителем Европы — но не с крестом, а с красным знаменем.

IV.

Итак, христианский социализм Достоевского тесно связан с идеей народа-богоносца. Великий писатель не был христианином в точном смысле слова, и это отмечали самые различные исследователи. Его вера в возможное достижение гармонического общества на земле имеет совершенно «мирской» смысл. Достоевский стремился к **социализму без революции**. «Утопист он был в эпоху сороковых годов, — говорит А. С. Долинин, — утопистом он остался навсегда»¹.

Наиболее полно его мировоззрение раскрывается не в формулах «Дневника писателя», а в его больших романах. Искусство Достоевского неизмеримо шире его политической и этической проповеди, оно включает в себя момент самоотрицания автора. В романе Достоевского царит один из главных принципов трагедии — принцип столкновения двух необходимостей. Как в античной трагедии, как у Шекспира, так и в романах Достоевского противоборствующие силы показаны в их жизненной закономерности, обоснованности. Его трагические мыслители (Раскольников, Кириллов, Иван Карамазов) сильны своей страстной убежденностью, пламенным отрицанием несправедливого мира. Их протест передан с такой мощью, что перед ним подчас бледнеет правда русского Христа. Эта особенность трагических конфликтов у Достоевского свидетельствует о его колоссальной раздвоенности, о больших внутренних противоречиях. Особенно резко сказались они в «Братьях Карамазовых».

С замечательной силой обобщения Достоевский воплощает собственные идеологические противоречия в Легенде о великом инквизиторе. Здесь вновь речь идет о будущем социалистическом обществе. Достоевский считал европейский социализм порожде-

¹ А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. М.—Л., 1963, стр. 247.

нием римско-католического духа: предпочтения материального начала духовному. Теократический режим, в котором царит великий инквизитор, символизирует социалистическое общество, основанное на материальных началах. На сей раз вместо грубой карикатуры, как в случае Шигалева, мы имеем возвышенную символическую поэму: писатель ставит проблему с величайшей серьезностью.

Народ в государстве великого инквизитора счастлив и доволен, он живет в материальном достатке и благополучии, за которое продал свободу воли высоким сановникам церкви. Последние правят народом от имени Христа, на деле же заведомо искажают его учение. Народ обманут, он не знает, что поклоняется ложному богу. Но великий инквизитор знает, что совершает смертный грех, великое святотатство; тем не менее он гонит прочь явившегося на землю Христа. Ценою гибели собственной души инквизитор купил счастье народа, блаженствующего в неведении.

Ночной диалог Христа и инквизитора, в котором Христос лишь молча слушает и говорит лишь своим молчанием (блестящее решение художественной задачи!), заканчивается тем, что Христос приближается к инквизитору и молча целует его бескровные уста.

И затем слушающий эту легенду Алеша Карамазов совершает «плагиат»: он молча целует ее автора — Ивана Карамазова.

В чем смысл этих двух поцелуев? Ответ на это весьма труден. На наш взгляд, смысл поцелуя Христа — признание величайшей личной жертвы, принесенной инквизитором для блага людей. Он обрек себя на вечное проклятие из человеколюбия. Достоевский в своем последнем романе признает благие побуждения социалистических мыслителей и вождей, одновременно обвиняя их в поистине ужасающем презрении к тем самым людям, ради которых они гибнут. Поцелуй Христа столь же парадоксален, как отношение Достоевского к социализму.

Алеша Карамазов своим поцелуем выражает любовь и преклонение перед величием идеи, обуревающей его брата, признает **святость его бунта**.

Подобное бессознательное признание моральной правоты революции прорвалось вскоре после смерти Достоевского у его последнего друга — молодого философа Владимира Соловьева. В то время как особое присутствие сената судило царевубийцев-первомартовцев (Перовскую, Желябова, Кибальчича и др.), 28 марта 1881 года профессор Соловьев читал публичную лекцию на религиозно-философскую тему. Неожиданно для самого себя он спустился с мистических высот на землю, заговорил о процессе первомартовцев: «Теперь там, за белыми каменными стенами, идет совет о том, как убить безоружных. Ведь безоружны же все подсудимые узники... А правда божия говорит: «Не убий»... Но если это действительно свершится, если русский царь, вождь

христианского народа, заповеди поправ, предаст их казни, если он вступит в кровавый круг, то русский народ, народ христианский, не может за ним идти. Русский народ от него отвернется и пойдет по своему отдельному пути...»¹. Оратор был поднят слушателями на руки, зал скандировал: «Амнистия!» Вскоре после этого выступления Соловьев был вынужден уйти из Петербургского университета.

Общезвестно, что и мистическая философия, и поэзия Соловьева оказали огромное влияние на молодого Александра Блока. Соловьев в определенной степени явился продолжателем Достоевского и связующим звеном между искусством великого романиста и творчеством Блока.

А. С. Долинин, давший прекрасный анализ «Братьев Карамазовых», на наш взгляд, совершенно прав, утверждая: «...Несмотря на все старания художника, пятая книга — «Pro и Contra» — стоит как незыблемая вершина над другими одиннадцатью книгами романа, выдерживает все удары, направленные против нее...»². В пятой книге представлен бунт Ивана. По сути дела он остается неопровергнутым. Найдя самые яркие краски для выражения бунта, Достоевский не сумел с равной силой выразить блаженство смирения. Правда жизни одерживает победу над схемой, и это есть великая победа Достоевского-реалиста: победа над самим собой.

Формула «Достоевский — антисоциалист» есть вульгарное упрощение. Стоит лишь внимательно всмотреться в ход его мысли, и мы обнаруживаем непрестанную борьбу реакционных «смирительных» идей с самой яростной непокорностью. Бунт Ивана воплощает мысли писателя не в меньшей степени, чем поучения Зосимы. Разумом писатель был на стороне любви и смирения, но в ходе творческого процесса любовь вела к бунту. Интуиция художника противоборствовала его узкому, схематическому замыслу. Смиреник и бунтарь, верующий и богохульник, христианин и еретик, антисоциалист и социалист одновременно — Достоевский весь в противоречии, весь в борьбе. И в ходе этой борьбы, в процессе осознания противоречий он постепенно приходит к мысли о святости бунта, даже если этот бунт — заблуждение. *неправда!*

Противоречивым страстям писателя однажды откликнулось дальнейшее эхо: в 1918 году большой русский поэт написал гимн революции, и в последних строках его возник парадоксальный образ Иисуса Христа с красным знаменем в руках. Блок, как изтем Христос с красным знаменем — это своеобразное завершение противоречий Достоевского, — противоречий идущей от него идейно-художественной традиции.

¹ Цитируется по кн.: В. Прокофьев, Желябов. М., 1960, стр. 351.

² «Последние романы Достоевского», стр. 289.

Возможность такого приятия революции заключалась уже в творчестве Федора Достоевского, который до конца своих дней в себе самом не мог преодолеть величайшую мечту человечества — социализм.

Всю жизнь он пытался уверовать в бога — и не сумел; всю жизнь он стремился стать врагом социализма — и не сумел. ✓ Достоевский ровно настолько же социалист, сколько антисоциалист. Это один из аспектов его духовной трагедии, воплотившейся в его романах.
